ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора М.П. Чёрной о диссертационной работе Игоря Валерьевича Балюнова «Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология

Сибирское археологическое городоведение год от года укрепляет свои позиции посредством проведения систематических раскопок, введения в широкий научный оборот массива новых источников, обобщения полученных данных для реконструкции исторической картины освоения региона. Археологические исследования открыли новые возможности для содержательной характеристики сибирского города, его созидательного потенциала. В ряду работ, раскрывающих роль русского города в колонизации Сибири, стоит представленная к защите диссертация, которая является нужным и актуальным исследованием.

Объектом исследования автор определяет материальную культуру жителей г. Тобольска конца XVI-XVII вв. Именно здесь, а не в характеристике методологической базы диссертации (с. 8), было бы уместно дать определение базового для работы понятия.

Не совсем удачно определён предмет исследования – культурный слой Тобольска конца XVI–XVII вв. и археологические находки из него. Источники это средство достижения цели, в данном случае – реконструкции материальной культуры русского населения Тобольска, что возможно благодаря историко-информационному потенциалу археологических источников, в предметной форме отражающих то, что автор понимает под материальной культурой – овеществлённую деятельность людей и связанные с ней предметы и навыки, направленные на удовлетворение материальных потребностей общества (с. 8).

Некоторые задачи сформулированы неточно. Не «сформировать базу источников» из опубликованных исследований, а выяснить степень изученности темы, что является не формальным требованием, а нужно для определения объёма и уровня проделанной работы. Не «сгруппировать предметы по категориям», а дать типологическую характеристику предметного комплекса по категориям, соответствующим основным видам хозяйственной деятельности.

Обоснованы хронологические – с момента основания Тобольска в 1587 г. и до рубежа XVII–XVIII вв., когда начинается каменное строительство, и территориальные рамки – Тобольский кремль (Верхний город), откуда происходят основные для диссертации источники, но рассматриваемые в общем контексте пространственного освоения Сибири.

В числе принципов, форм и способов исследования, составляющих методологическую базу работы, назван сравнительно-исторический метод, что совершенно верно, поскольку он является универсальным способом

познания в исторических и археологических исследованиях. Отмечу, что соискатель владеет методом на хорошем профессиональном уровне, что позволило ему решить такие задачи, как анализ археологических материалов, освещение хозяйственно-промысловой деятельности жителей Тобольска XVI—XVII вв., описание элементов культуры жизнеобеспечения (с. 7, 8).

Однако нельзя согласиться с отождествлением диссертантом сравнительно-исторического метода с формальной типологией (с. 9 и др.). Именно сравнительно-исторический метод в основных своих формах (сравнительно-типологической, сравнительно-генетической и сравнительно-диффузионной) в отличие от формальной типологии позволяет выявить динамику сходств и различий реально существовавших типов вещей и явлений. Это обеспечивает надёжный уровень аргументированности историко-культурной интерпретации археологических источников и дальнейшего исторического моделирования материальной культуры.

На самом деле автор даёт типологическую характеристику материалов не в формальном, а в историческом ключе, когда за цветом черепка стоят особенности технологии, формой сосуда — его назначение, спецификой кроя — мягкий или жёсткий тип обуви и проч. Анализ и интерпретация археологических материалов в историческом контексте составляют сильную сторону работы И.В. Балюнова.

Замечу попутно, что описанию типологических схем, существующих в археологической науке по посуде и обуви, место не во введении (с. 9–13), а в соответствующих параграфах диссертации (глава 3.1, 3.2).

Поставленные задачи определили структуру работы.

пояснил, что он понимает под культурой Соискатель жизнеобеспечения, которая в структуре работы выделена как Глава II (с. 16), и на каком основании объединяет хозяйственные постройки, транспортные строительным промысловый инвентарь co Остаётся непонятным, сельскохозяйственными занятиями. как автор соотносит материальную культуру и культуру жизнеобеспечения. Эта проблема сохраняет в науке дискуссионный характер, но если бы диссертант изложил свою позицию, логика исследования и, соответственно, структура работы получили бы дополнительную аргументацию.

Обзор исследований Тобольска на фоне изучения других русских городов показал, что автор имеет целостное представление об истории изучения материальной культуры русского населения Сибири. Но если бы автор всецело построил эту главу на основе проблемного подхода, это помогло бы избежать повторов, усилить оценочную составляющую и подчеркнуть значение археологических исследований Тобольска для реконструкции материальной культуры, опираясь, в том числе на работы, обобщающие достижения русской археологии Сибири (Артемьев, 2005; Чёрная, 2007; 2008; 2009).

Более детальное сравнение археологических материалов, относимых автором к ранней истории Тобольска, с данными раскопок в верхней и нижней частях города, проведённых и опубликованных тюменскими коллегами (Матвеев, Аношко и др., 2008; Матвеев и др., 2010; и др.),

позволило бы более полно выявить потенциал источников и самостоятельный вклад соискателя в изучение хозяйственной жизни сибирской столицы и её динамики.

XVII Застройка Тобольска В. археологическом контексте представлена пока слабо: из-за «сухости» культурного слоя. не способствующей сохранности древесины, локальности и ограниченной площади раскопок, варварского уничтожения в ходе строительных работ слоёв, заведомо содержащих напластования средневекового города, с чем столкнулись археологи Тобольска и их коллеги из Тюмени. В связи с последним изучение археологического Тобольска с целью реконструкции разных сторон жизни города, в том числе и обсуждаемая работа как часть этого исследовательского процесса, повышают свою актуальность.

И.В. Балюнов не оставил без внимания единичных раскопанных построек — заглублённых в землю сооружений для содержания скота, дополнив эту характеристику детальным анализом деревообрабатывающего инструментария (топоры, тёсла, свёрла) и таких строительных принадлежностей как гвозди и дверной поднаряд.

привлекает археологические материалы ДЛЯ характеристики сельскохозяйственных занятий тобольчан. Тобольск, как известно по письменным данным, был центром крупного района хлебопашества в Сибири, более того, производство хлеба здесь уже с середины XVII в. носило товарный характер (Вилков, 1990). Специфика археологического контекста, когда в руки археологов попадают отдельные земледельческие орудия, не позволяет выявить сколько-нибудь значительные старопахотной почвы (особенно когда городская и окрестная территория занята поздней застройкой) и, соответственно, судить об уровне и объёмах хлебопашества. Правда, вывод диссертанта о том, что в самом городе и непосредственно рядом с ним пашенным земледелием в XVII в. не занимались ввиду отсутствия находок серпов и пашенных орудий, выглядит излишне прямолинейным.

Напротив, довольно подробную и достоверную картину о занятиях животноводством можно составить по массиву археозоологических данных. Этот массовый для городских напластований материал даёт представление о видовом составе домашнего стада, причём в процентном соотношении, как это сделано и по Тобольску (Т. II, табл. 1; для наглядности результаты археолозоогического анализа надо было внести и в текст). Для тогдашней сибирской столицы характерна та же структура стада (1 место – крупный рогатый скот, 2 место – свинья, 3 – мелкий рогатый скот, 4 – лошадь), что и для подавляющего числа русских поселений не только Сибири, но и России в целом. Кроме того, именно археозоологические данные позволяют восстановить размерные и продуктивные особенности скота того времени, весьма отличного от современного, специфику его содержания, время забоя и структуру мясного питания средневекового горожанина. Этот блок вопросов в диссертации не освещён, но, думается, что это одно из перспективных направлений дальнейшей работы.

Хочу подчеркнуть, как умело И.В. Балюнов вводит в археологический контекст письменные свидетельства. Тогда пусть не массовый, но повсеместно встречаемый в городских слоях аграрный инвентарь (косыгорбуши, жернова, серпы и проч.) полнее раскрывает свой информационный потенциал, а картина сельскохозяйственных занятий становится более предметной, «живой».

Анализ деталей индивидуальных (лыжи) и пассажирско-грузовых транспортных средств (конных, водных) правомерен в работе по материальной культуре города, но не ясно, почему средства передвижения включены именно в главу II, ведь транспорт был необходим для осуществления всех видов хозяйственной деятельности, а также в быту.

Подробный анализ промыслового инвентаря, дополненный таблицами и рисунками (Т. II, табл. 2, 3, рис. 25–35), даёт представление о типологических характеристиках металлических и костяных наконечников стрел, устройстве сложного лука, технике отливки свинцовых пуль, изготовления пищальных кремней. Автор справедливо отмечает, что найденные при раскопках предметы вооружения крайне сложно разделить на военное и охотничье снаряжение, поскольку его использование было если не универсальным, то взаимозаменяемым.

Благодаря грамотному типологическому анализу рыболовных снастей (крючки, грузила и поплавки) обоснован важный исторический вывод о разнообразии добычи рыбы, ведущем значении массового отлова, формировании местного рыбного рынка, как крупнейшей составной части общероссийского рынка.

На основании археологических и письменных данных соискатель не только устанавливает занятие тобольчан сельским хозяйством и промыслами, но рассматривает их как стимулирующую базу для развития ремёсел.

Типология керамики, выполненная диссертантом на обширном материале, позволила выделить основные группы посуды, используемой в быту: кухонной, столовой, тарной, канцелярской, а также частично выявить её технологическую специфику. Морфологические особенности и размерные характеристики керамики представлены в таблицах и рисунках (Т. II, табл. 4—7, рис. 36—43).

Заслуживает внимания обоснование И.В. Балюновым положения о местном характере гончарного производства. Доводы в пользу местного производства (разнообразие типов горшков, как признак их изготовления в разных мастерских, частичное использование гончарного круга при ленточно-жгутовом способе формовки, несовершенство технологии обжига, следы производственного брака, наличие клеймёной посуды (11 экз.)), взятые по отдельности, имеют разную степень убедительности, но в совокупности придают позиции автора обоснованность.

Неоспоримым аргументом о наличии гончарного производства в Тобольске могут стать данные об использовании местного сырья. Это тем более перспективно, что диссертант отмечает широкое бытование в Тобольске серо-коричневой керамики, не представленной в материалах

позднесредневековых городов Европейской России, и, возможно, изготовленной из местной глины.

Тщательному разбору подвергнута коллекция кожаных изделий, представленных главным образом фрагментами обуви. Соискатель владеет методикой изучения археологической обуви, разработанной на материалах европейской части России, и с успехом применяет её к анализу тобольской коллекции. Результатом скрупулёзной работы стало выделение мягкой и жёсткой обуви и разных её типов (поршни, туфли, сапоги), технологических особенностей раскроя и пошива, что подтверждено иллюстративным материалом (Т. II, табл. 8. 9, рис. 45–57). Замечу, что табл. 8, где представлены типы обуви, была бы гораздо информативнее при внесении в признаков: цельнокроеный поршень основных цельнокроеный поршень без бахромы и т.д. Определённым упущением является отсутствие статистического анализа коллекции, соотношения количества фрагментов обуви и обрези, что только бы укрепило вывод автора о местном пошиве изделий и углублении специализации сапожного ремесла во второй половине XVII в.

На основе добротной характеристики археологической коллекции кожаной обуви соискатель делает вывод об общерусской основе сапожного ремесла Тобольска, обогащённой появлением новых моделей и типов обуви, успешном развитии этой отрасли хозяйства, что привело к практически полному прекращению ввоза кожевенных товаров в сибирскую столицу.

Тезис о местном характере железоделательного производства И.В. Балюнов подкрепляет подробным типологическим анализом орудий труда (ножи, ножницы) и бытовых предметов (иглы, бритвы, кресала, осветительные приборы), а также следами железоплавильного дела (железный шлак, камни-лимониты). Важным аргументом авторской позиции и свидетельством мастерства тобольских кузнецов может стать металлографический анализ изделий, что, видимо, ещё предстоит сделать.

Можно согласиться с мнением диссертанта о том, что в отличие от гончарного, кожевенного, сапожного, кузнечного производств обработка кости, из которой изготовлялись вещи повседневного обихода, хоть и существовала в Тобольске в XVII в., но не достигла уровня ремесла.

Атрибуты игр (кубики, бабки, шахматы), украшения (бусы, бисер, перстни), пряжки, кресты и др., также подвергнутые сравнительно-типологическому анализу, характеризуют некоторые стороны быта и досуга тобольчан.

Соискатель дал очень краткое описание стеклянной посуды, отметив, что она относится к привозным изделиям. Добавлю, что эта категория находок относится к числу предметов престижного пользования и имеет западноевропейское происхождение, как и некоторые виды бус и, возможно, напёрсток.

Приведённые в Заключении выводы органично связаны с основным текстом диссертации, обоснованы исследованиями автора. Содержательные иллюстрации и таблицы подкрепляют основные положения диссертации.

Работа выполнена квалифицированно, проанализирован и обобщён большой объём полевого материала, рассмотренный сравнительном контексте русских памятников Сибири и Европейской Поэтому убедительно звучит основной вывод соискателя: материальная культура населения Тобольска конца XVI – XVII в. является составной частью общерусской культуры, адаптированной к местным условиям, а её уровень и особенности определялись хозяйственными занятиями.

Представленная к защите диссертация является самостоятельным вкладом в развитие нового направления в сибиреведении – археологического городоведения. Новизна исследования заключается в реконструкции хозяйственной жизни Тобольска конца XVI–XVII в. на базе археологических данных, предметно раскрывающих процесс социокультурной адаптации русских на осваиваемых землях. Поставленные задачи в целом решены. Автореферат соответствует тексту работы. Большая часть высказанных замечаний носит форму рекомендаций, касается общих проблем науки, решение которых имеет дискуссионный характер.

Обсуждаемый труд, основные положения которого изложены в 26 публикациях, в том числе 3 в рецензируемых изданиях и коллективной монографии, полностью соответствует требованиям п. 9 "Положения о ученых степеней", присуждении предъявляемым диссертациям, заслуживает положительной оценки, а её автор И.В. Балюнов присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

> ЕДУЩИЙ ДОКУМЕНТОВЕД УПРАВЛЕНИЯ ЛАМИ И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ЕСПЕЧЕНИЯ Н.Г. МИХЕЕВА

Доктор исторических наук, профессор

Томского государственного университета

М.П. Чёрная

5.05.2014